

Сказки братьев Гримм. Спящая красавица (Шиповничек)

Давным-давно жили да были король с королевою, и бывало, что ни день, то говаривали: «Ах, если бы у нас был ребенок!» – а детей у них все же не было.

И вот однажды, когда королева купалась, из воды на берег вылезла лягушка и сказала королеве: «Твое желание будет исполнено: ранее истечения года у тебя родится дочка».

Что лягушка сказала, то и случилось: королева действительно родила дочку, которая была такая хорошенькая, что король себя не помнил от радости и затеял по этому поводу великолепный праздник.

Он пригласил на праздник не только своих родных, друзей и знакомых, но также и всех колдуний, чтобы они были к его ребенку добры и благосклонны. Этим колдуний в том королевстве было тринадцать, но так как у короля было только двенадцать золотых тарелочек, на которых им следовало подавать кушанья, то одну из них пришлось не приглашать.

Праздник был отпразднован великолепно, и когда уж он заканчивался, колдуньи одарили ребенка разными чудесными дарами: одна – добродетелью, другая – красотой, третья – богатством и всем-всем, чего только можно было пожелать себе на земле.

Когда уже одиннадцать колдуний высказали свои пожелания, вдруг вошла тринадцатая. Она явилась отомстить королю с королевой за то, что ее не пригласили на праздник; и вот, никому не кланяясь и ни на кого не глядя, она громко крикнула: «Королевна на пятнадцатом году уколется веретеном и тут же упадет замертво». И не прибавив ни слова более, повернулась и вышла из зала. Все были этим страшно перепуганы; но вот выступила двенадцатая колдунья, которая еще не успела высказать своего пожелания, и так как она не могла отменить злого желания своей предшественницы, а была в состоянии лишь смягчить его, то она сказала: «Королевна упадет замертво, но не умрет, а погрузится только в глубокий, непробудный сон, который продлится сто лет».

Король, конечно, хотел оберечь свое дорогое дитяtko от предсказанной страшной беды, а потому издал такой указ, чтобы все веретена во всем его королевстве были сожжены.

А между тем дары колдуний стали мало-помалу проявляться в юной королевне: она была и прекрасна, и скромна, и ласкова, и разумна, так что приходилась по сердцу каждому, кто ее видел.

Случилось однажды (именно в тот день, когда ей стукнуло пятнадцать лет), что короля и королевы не было дома и королевна оставалась одна-одинешенька во всем замке. Вот и пошла, она бродить повсюду, стала осматривать комнаты и всякие каморки, какие ей вздумалось, и наконец пришла к одной старой башне.

Поднявшись в эту башню по узенькой витой лестнице, она подошла к низенькой двери. В дверной скважине торчал ржавый ключ, и когда она его повернула, дверь перед ней распахнулась и увидела она там в маленькой комнатке старушоночку, которая усердно пряла лен, быстро поворачивая веретено между пальцев.

«Здравствуй, бабушка, – сказала королевна, – ты что тут подельваешь?» – «А вот видишь: пряду», – отвечала старушоночка и кивнула королевне головой. «А что это за штука такая, что так весело кружится?» – спросила королевна, взяла в руки веретено и также захотела прясть.

Но едва только она коснулась веретена, как волшебное заклятие сбылось: королевна уколола себе палец веретеном и в тот же

самый миг упала на кровать, стоявшую в этой маленькой комнатке, и погрузилась в глубокий сон.

Этот сон охватил весь замок: король и королева, которые только что вернулись домой и входили в зал, стали мало-помалу засыпать, заснули одновременно с ними и все их придворные. Заснули также и лошади в стойле, и собаки на дворе, и голуби на крыше, и мухи на стенах, и даже огонь, пылавший на очаге, как бы застыл, и жаркое, которое на огне жарилось, перестало шкворчать, и повар, ухвативший было поваренка за волосы за какую-то провинность, выпустил его волосы из руки и заснул.

И ветер тоже улегся, и на деревьях перед замком не шелохнулся ни один листок...

А вокруг замка стала мало-помалу вырастать непроницаемо густая изгородь из терновника, и каждый год поднималась она все выше и выше и наконец окружила весь замок, и даже переросла его настолько, что не только замка из-за нее не стало видно, но даже и флага на крыше его.

Во всей окрестной стране шла, однако же, молва о спящей красавице-королевне, которую прозвали Шиповничком; а потому от времени до времени наезжали королевичи и пытались сквозь ту изгородь проникнуть в замок.

Но это оказывалось невозможным, потому что терновник, переплетаясь, стоял сплошной стеною, и юноши, пытавшиеся сквозь него пробиться, цеплялись за него, не могли уже из него выпутаться и умирали напрасною смертью.

Много-много лет спустя пришел в ту сторону еще один королевич и услышал от одного старика рассказ об ограде из терновника и о том, что за этой оградой, должно быть, есть замок, в котором уже лет сто подряд лежит в глубоком сне дивная красавица-королевна, прозванная Шиповничком, а около нее, погруженные в такой же сон, спят и король, и королева, и весь их двор.

Старик слышал еще от своего деда, что многие королевичи приходили и пытались проникнуть сквозь терновую изгородь, что в ней застряли и встретили преждевременную смерть.

Но юноша сказал: «Я этого не боюсь, я хочу туда пройти и хочу увидеть красавицу-королевну». И как ни отговаривал его старик, королевич не внимал его словам.

А тем временем минули сто лет, и наступил тот именно день, в который и надлежало Шиповничку очнуться от своего долгого сна. Когда юный королевич подошел к изгороди, то вместо терновника увидел множество больших прекрасных цветов, которые сами собою раздвинулись настолько, что он мог пройти сквозь эту изгородь невредимый, а позади него они опять сомкнулись непроницаемой стеною.

Во дворе замка он увидел лошадей и гончих охотничьих собак, которые лежали и спали; на крыше сидели голуби, подвернув головки под крылышки, и тоже спали. А когда он вступил в дом, там спали мухи на стене, повар на кухне все еще протягивал во сне руку к мальчишке, которого собирался ухватить за волосы, и служанка сидела сонная перед той черною курицею, которую предстояло ей ощипать.

Он пошел далее и увидел в зале всех придворных, спавших глубоким сном около короля и королевы, уснувших близ трона. Пошел он далее, и такая была тишина кругом, что он мог слышать свое собственное дыхание.

Наконец приблизился он к старой башне и отворил дверь маленькой каморки, в которой спала красавица-королевна. И она показалась ему так хороша, что он от нее глаз оторвать не мог, наклонился к ней и поцеловал ее.

Чуть только уста его в поцелуе коснулись уст королевны, она раскрыла очи, проснулась и ласково глянула на королевича.

И сошли они с верха башни вниз рука об руку – и что же? И король очнулся ото сна, и королева, и все придворные их и с изумлением взглянули друг на друга. И лошади во дворе вскочили на ноги и стали отряхиваться; и собаки поднялись и стали махать хвостами; а голубки на крыше встрепенулись, оглянулись и полетели в поле. Ползали и мухи по стенам; и огонь в кухне вновь запылал и стал варить кушанье; и жаркое зашкворчало на вертеле; и повар закатил здоровую оплеуху поваренку, так что тот заревел; а служанка дочистила черную курицу.

Тогда-то и была отпразднована свадьба королевича с красавицей-королевной, и жили они в полном довольствии до самой кончины.

(Голосов: 2. Рейтинг: 3,00 из 5)

Сказки братьев Гримм. Шесть лебедей

В большом лесу охотился однажды король и так рьяно гнал по следу за каким-то зверем, что никто из его людей не мог за ним поспеть и все от него отстали. Когда за вечерело, он сдержал коня, стал кругом себя оглядываться и заметил, что заблудился. Стал он искать выхода из лесу и никак не мог его найти.

Вот и увидел он, что идет ему навстречу старушка старенькая-престаренькая, такая, что у ней уж и голова трясется от старости; а он и не знал, что эта старушка – ведьма.

«Голубушка, – сказал он ей, – не можешь ли ты мне показать дорогу из лесу?» – «О, конечно, могу, – отвечала старушка, – только при одном условии; и если вы, господин король, его не исполните, то никогда из этого леса не выьетесь, и должны будете здесь помереть от голода». – «А какое же это условие?» – спросил король. «У меня есть дочь, – сказала старуха, – она краше всех на свете и, конечно, заслуживает чести быть вам супругою. Вот если вы ее возьмете в жены, так я вам укажу

дорогу из леса».

Король перепугавшись, согласился, и старуха повела его к избушке, где ее дочь сидела у огня.

Эта дочь приняла короля так, как будто уже ожидала его прихода; и король увидел, что она действительно очень хороша собою, но ее лицо все же ему не понравилось, и он не мог смотреть на нее без затаенного страха.

После того, как он посадил девушку к себе на коня, старуха показала ему дорогу из леса, и король снова мог вернуться в свой королевский замок, где и отпраздновал свадьбу.

До того времени король уже был однажды женат, и от первой его супруги у него было семеро детей – шесть сыновей и дочь, которую он любил более всего на свете. Но так как он боялся, что мачеха с ними будет недостаточно хорошо обращаться или даже причинит им какое-нибудь зло, то он и свез их в уединенный замок, который стоял в самой чаще леса.

Замок был так в этой чаще укрыт и дорогу к нему было так трудно отыскать, что король и сам бы, пожалуй, не отыскал ее, если бы одна ведунья не подарила ему клубок ниток дивного свойства: стоило ему только тот клубок бросить перед собою, клубок сам собой начинал разматываться, катился впереди и указывал дорогу.

Но король так часто отлучался на свидания со своими милыми детушками, что эти отлучки наконец обратили на себя внимание королевы. Она любопытствовала узнать, что он там один-одинешенек делает в лесу. Подкупила его слуг, и те выдали ей тайну короля да рассказали и о клубке, который один только мог туда указать дорогу.

Она же до тех пор не успокоилась, пока не узнала, где король прячет тот клубок, и тогда нашла она много маленьких белых шелковых рубашечек, а так как она матерью своей была обучена колдовству, то сумела и в эти рубашечки зашить некоторые чары. И вот, когда однажды король выехал на охоту, она взяла рубашечки и пошла в лес, а клубочек ей показывал дорогу. Дети, еще издали увидевшие, что к ним идет кто-то, подумали, что это отец, и радостно побежали навстречу. Тогда она на каждого из них накинула по рубашечке, и едва только эти рубашечки

касались тела ребенка, он превращался в лебедя и улетал за лес.

Королева вернулась домой, очень довольная своей поездкой, и думала, что она уж навсегда отделалась от своих пасынков; но дочка короля не выбежала в тот раз к ней навстречу вместе с братьями, и королева ничего о ней не знала.

На другой день явился король в лесной замок к детям и никого в замке не нашел, кроме дочки. «А где же твои братья?» – спросил король. «Ах, батюшка, – отвечала она, – они улетели и оставили меня одну», – и рассказала ему, что из своего окошечка видела, как ее братья, обернувшись лебедями, улетели за лес, и даже показала ему перья, которые они обронили во дворе, а она подобрала.

Король запечалился, но ему и в голову не приходило, что это злое дело могло быть совершено королевой; а так как он опасался, что и дочку его могут также похитить, то задумал он взять ее с собой.

Но дочка боялась мачехи и упросила короля, чтобы он ей позволил еще хоть эту ночь остаться в лесном замке. Бедная девочка подумала, что ее уже не оставят долее в этом замке, и она решилась во что бы то ни стало отыскать своих братьев.

И чуть только наступила ночь, она убежала из замка и углубилась прямо в самую чащу леса. Она шла всю ночь напролет и весь следующий день, пока уже не утомилась окончательно.

Тогда увидела она охотничий домик, вошла в него и нашла в нем комнатку с шестью маленькими кроватками; но она не решилась лечь, а залезла под одну из этих кроваток, улеглась на крепком полу и задумала там провести ночь. Но когда солнце стало близиться к западу, она услышала шум в воздухе и увидела, что в окошко влетели шесть лебедей. Они опустились на пол и стали сдувать друг другу перья: сдули все перья, и их лебединые шкурки свалились с них как рубашки.

Тогда девочка взглянула на них, узнала своих братьев и вылезла из-под кроватки. Братцы тоже очень обрадовались, увидев свою сестричку; но радость их была непродолжительна. «Ты здесь не можешь оставаться, – сказали они ей, – это разбойничий притон; если разбойники найдут тебя здесь, то убьют тебя». – «А разве

вы не сумеете меня защитить?» – «Нет, – отвечали они, – потому что мы можем каждый вечер только на четверть часа скидывать с себя свои лебединые шкурки и принимать человеческий образ, а потом опять обращаемся в лебедей». Сестричка заплакала и сказала: «Так неужели же нет возможности вас освободить от заклятия?» – «Есть возможность, – отвечали братья, – но это обставлено такими тягостными условиями, что выполнить их невозможно. Ты должна шесть лет сряду не говорить и не смеяться и за это время должна сшить нам шесть рубашек из цветков астры. И если хоть одно словечко у тебя вырвется в течение этих шести лет, то все твои труды пропадут даром».

И когда братцы это проговорили, четверть часа миновало, и они снова, обратившись в лебедей, вылетели в окно.

А сестричка твердо решила избавиться своих братьев от заклятья, хотя бы даже ценою своей жизни. Она вышла из охотничьего домика, пошла в самую чащу леса, влезла на дерево и там просидела всю ночь.

На другое утро она сошла с дерева, набрала много цветов астры и стала шить. Говорить ей было не с кем, а смеяться не было охоты: она сидела на своем дереве и смотрела только на свою работу.

Много прошло времени с тех пор, как она удалилась в эту глушь, и случилось однажды, что король той страны охотился в лесу, а его егеря подошли к тому дереву, на котором сидела девушка.

Они стали ее кликать и спрашивали: «Кто ты такая? », – но она им ни слова не отвечала.

«Сойди сюда к нам, – сказали они, – мы тебе никакого зла не сделаем».

Она в ответ только отрицательно покачала головой. Так как они продолжали приставать к ней с вопросами, то она сбросила им с дерева свою золотую цепь с шеи и думала их этим удовлетворить. Но они все продолжали ее допрашивать; тогда она сбросила им свой пояс, а когда и это не помогло – свои подвязки, и так мало-помалу все, что на ней было надето, и осталась наконец в одной сорочке.

Но егеря и тут от нее не отстали, взлезли на дерево, сняли оттуда девушку и привели ее к королю.

Король спросил: «Кто ты такая? Что ты делала там на дереве?»

Но девушка не отвечала ни словечка.

Он задал ей те же вопросы на всех языках, какие ему были известны, но девушка по-прежнему оставалась нема как рыба. А так как она была прекрасна собою, то сердце короля было тронуту, и он вдруг вспылал к ней горячею любовью.

Обернув ее своим плащом, посадил он девушку на коня перед собою и отвез в свой замок.

Там приказал он одеть ее в богатое платье, и она блистала красотою, как ясный день, но от нее нельзя было добиться ни одного слова.

Он посадил ее за стол рядом с собою, и ее скромное выражение лица, ее умение держать себя до такой степени понравились ему, что он сказал: «Я хочу взять ее замуж, и ни на ком другом, кроме нее, не женюсь».

И несколько дней спустя он действительно обвенчался с нею.

У того короля мать была женщина злая, да притом еще и недовольна этою женитьбою сына.

Она злословила про молодую королеву. «Кто ее знает, откуда она родом, – говорила она, – от нее, немой, не дознаешься; а только она королю не пара».

Год спустя, когда королева родила первого ребенка, старуха унесла его, а королеве во время сна вымазала рот кровью. Затем она пошла к королю и обвинила королеву в том, что она людоедка и съела своего ребенка.

Король не хотел этому верить и не дозволил причинить королеве никакого зла.

А королева постоянно сидела над своей работой и шила рубашечки, не обращая внимания ни на что другое.

В следующий раз, когда она снова родила красавца-мальчика, лукавая старуха опять пустила в ход подобный же обман, однако же король не решился поверить ее клевете на королеву.

Он сказал: «Она слишком добра и богобоязненна, чтобы совершить что-нибудь подобное; не будь она нема, она сумела бы сама себя защитить, и ее невинность, конечно, тотчас же обнаружилась бы».

Когда же старуха и в третий раз похитила новорожденного

ребенка и взвела на королеву то же обвинение (а та ни слова не могла сказать в свое оправдание), то король уже не мог защитить жену и должен был предать ее суду, который и приговорил сжечь ее на костре.

Вот и наступил день исполнения приговора, наступил в то же время и последний день тех шести лет, в течение которых она не смела ни смеяться, ни говорить – и таким образом ее милые братья были уже избавлены ею от заклятья.

И шесть рубашечек из цветков астры были также изготовлены; только у последней не хватало левого рукавчика.

Когда ее повели на костер, она сложила все рубашечки на руку; а когда уж она была на костре и костер уже собирались зажигать, то она оглянулась кругом и увидела, что к ней летят шесть лебедей. Тут она убедилась, что и ее избавление близко, и сердце ее затрепетало от радости.

Лебеди закружились около нее и спустились настолько низко, что она могла им перебросить рубашечки; и едва только те рубашечки их коснулись, лебединые шкурки с них свалились, ее братцы стали перед нею, молодец к молодцу, живехоньки и здоровехоньки; только у самого младшего не хватало левой руки, а вместо нее осталось лебединое крыло за спиной.

Целовались-миловались братцы с сестрицею, а потом королева подошла к королю, который был всем случившимся изумлен, и сказала ему: «Дорогой супруг! Теперь я смею говорить и могу открыть тебе, что я невинна и обвинена не право».

И она сообщила об обманах старой свекрови, которая похитила и скрыла ее троих деток.

Дети, к великой радости короля, были разысканы и возвращены, а злая свекровь в наказание привязана на тот же костер и сожжена.

Король же с королевою и ее шестерыми братьями еще долгие годы жили в мире и счастье.

(Голосов: 2. Рейтинг: 3,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Старый Султан

Жил у мужика старый пес, и звали его Султаном. Пес состарился, и зубы все у него повыпадали, так что он уж ничего зубами и хватать не мог.

Однажды стоял мужик с женою на пороге дома и сказал:

«Старого Султана надо завтра пристрелить – он ни на что не годен стал».

Жене жалко было старого верного пса, и она сказала:

«Ведь он нам уже так давно служит и всегда так хорошо себя вел, так можно бы нам его и из милости покормить еще». – «Эк, ты еще что выдумала! – отвечал муж. – У него уж ни одного зуба во рту нет, его уж ни один вор не боится, так уж пора с ним и покончить. Ну, служил у нас, так за то и еда была ему всегда хорошая!»

Бедный пес, недалеко от них гревшийся на солнце, все слышал и крепко опечалился тем, что завтра должен наступить его последний день.

Был у него один хороший приятель – волк; к нему и пошел он вечером в лес и стал жаловаться на ожидавшую его судьбу.

«Слышь, куманек, – сказал волк, – подбодрись, я тебе в твоей беде помогу. Я кое-что придумал. Завтра ранехонько твой хозяин с женою пойдут на сенокос; они и малютку своего возьмут с собою, потому что в доме некого с ним оставить. Они обычно укладывают его спать около изгороди, в тени; и ты ляжешь там же, как бы для того, чтобы его оберечь. А я-то выбегу из лесу, да и похищу ребенка – ты сейчас за мною следом, как бы для

того, чтобы у меня ребенка отбить. Я его оброну, а ты принесешь родителям. Они подумают, что ты ребенка спас, и из благодарности, конечно, уж не сделают тебе никакого зла. Напротив, ты опять войдешь в милость, и они будут стараться угодить тебе во всем».

Предложение понравилось старому псу; и все, как было задумано, так и было выполнено.

Отец вскричал от ужаса, когда увидел, что волк уносит его ребенка, а когда Султан принес ребенка обратно, то отец очень обрадовался, гладил старого пса и сказал: «Теперь я на тебе волоска не трону и стану кормить тебя до самой твоей смерти».

А жене своей тотчас приказал: «Ступай скорее домой да свари старому Султану жидкой кашицы, которую бы он мог есть не пережевывая, и принеси ему головную подушку с моей кровати, я дарю эту подушку ему на постель».

И с той поры старому Султану жилось так хорошо, как только он мог пожелать.

Вскоре после того волк пришел его навестить и порадовался вместе с приятелем, что все так хорошо уладилось. «Однако же, надеюсь, куманек, – сказал волк, – что ты станешь сквозь пальцы смотреть, если я при удобном случае сцапаю у твоего хозяина жирную овечку. Времена нынче тяжелые, и нелегко бывает иногда пробиться». – «В этом на меня не рассчитывай, – сказал старый пес, – я своему хозяину всегда останусь верным и ничего тебе не попущу».

Волк подумал, что Султан говорит это все шутя, и пробрался как-то ночью, намереваясь утащить у хозяина овцу.

Но верный Султан громким лаем предупредил хозяина о намерении волка: тот его застал у себя на дворе и погладил его цепом против шерсти.

Волк еле выскользнул и, убегая, закричал собаке: «Погоди уж, дурной товарищ, ты мне за все это отплатишь».

На следующее утро волк послал кабана вызвать собаку на поединок в лесу – там должны были они рассчитаться.

Старый Султан никого не мог себе найти в свидетели поединка, кроме старой кошки, да и та была трехногая; как они вышли из дома, так она и заковыляла на трех ногах и от боли подняла,

бедняжка, хвост вверх трубою.

Волк и его свидетель кабан уже были в назначенном месте; но когда они завидели вдали своего противника, им показалось, что он несет с собою саблю: за саблю приняли они поднятый вверх хвост кошки. И хромота кошки показалась им подозрительна: им привиделось, что она нагибается, собирая по дороге камень, которыми станет в них бросать. Вот и напал на них обоих страх: кабан забрался в листву, а волк вспрыгнул на дерево.

Собака и кошка, придя на место, очень удивились тому, что никого не видят. А кабан-то не весь залез в листву, концы его ушей из нее все же торчали. И в то время как кошка стала подозрительно оглядываться по сторонам, кабан тряхнул ушами: кошке и покажись, что это мышь шевелится – она туда прыгнула и пребольно укусила кабана за ухо. Кабан с визгом рванулся с места, бросился бежать и крикнул: «Вон главный-то виновник на дереве сидит »

Собака и кошка глянули вверх и увидели волка, который устыдился своей собственной трусости и помирился со старым Султаном.

(Голосов: 2. Рейтинг: 3,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Сказка о заколдованном дереве (Сказка про можжевельник)

Давненько уж это было – тысячи две лет тому назад. Жил да был на свете богатый человек, и жена у него была красивая и богобоязненная, и любили они друг друга сердечно, а детей у них не было. Очень им хотелось иметь детей; и жена молилась об этом и день, и ночь, а детей все же не было и не было...

Перед домом их был двор; среди того двора росло ветвистое дерево, и под тем деревом однажды зимою стояла жена и срезала ножом кожуру с яблока. Срезала да и порезала себе ножом пальчик, так что кровь закапала на снег. «Ах! – сказала жена и глубоко вздохнула, и, взглянув на капли крови, проговорила с грустью: – Вот если бы у меня было такое дитяtko: как кровь румяное да как снег белое!»

И как только она это выговорила, у ней вдруг так полегчало на душе, как будто ее желанию суждено было действительно сбыться, и она пошла домой совсем утешенная.

Прошло с той поры около года. Жена все недомогала и, жалуясь на свое здоровье, не раз говаривала мужу: «Если я умру, похорони меня под тем деревом, что растет у нас среди двора».

В конце года она родила сына, белого как снег и румяного как кровь, и когда она его увидела, то обрадовалась так, что с радости и умерла. Муж похоронил жену по ее желанию под тем деревом, что росло среди двора, и очень ее оплакивал; немного спустя он стал уже меньше по ней плакать, а там и совсем перестал; а еще сколько-то времени спустя взял себе в дом

другую жену.

От второй жены родилась дочка, а от первой жены остался хорошенький сынок, румяный как кровь и белый как снег.

Когда мачеха смотрела на свою дочку, она казалась ей милым дитяtkом, а как взглянет, бывало, на своего хорошенького пасынка, у ней так и кольнет в сердце – тотчас придет ей в голову, что он ей поперек дороги стал, и кабы не он, все богатство отца досталось бы ее дочери.

И стала она на своего хорошенького пасынка злиться, и стала его толкать из угла в угол: и тут щипнет, и там щипнет, так что бедное дитя жило в постоянном страхе. И когда он возвращался домой из школы, у него не было ни одной минуты покоя.

Однажды мачеха пошла в свою светелку, и ее хорошенькая дочка пришла к ней и сказала: «Матушка, дай мне яблочко». – «Изволь, дитяtkо», – сказала ей мать и дала ей чудесное яблоко из сундука своего; а у сундука-то крышка была тяжелая-претяжелая, и замок у ней большой, железный, с острыми зубцами. «Матушка, – сказала хорошенькая девочка, – ты и братцу тоже дай яблочко?» Это раздосадовало ее мать, однако же она сдержалась и сказала: «И ему дам, когда он придет из школы».

И как раз в это время увидела из окошка, что пасынок возвращается домой; тут ее словно бес под руку толкнул, она отняла у дочки яблоко и сказала: «И тебе прежде брата не дам». Швырнула яблоко в сундук и закрыла его крышкой.

Когда пасынок вошел в дверь, нечистый наставил ее ласково сказать ему: «Сыночек! Не хочешь ли ты получить от меня яблоко?» А сама посмотрела на него искоса. «Матушка, – сказал мальчик, – что ты это так на меня смотришь? Хорошо, дай мне яблочко!» – «Пойдем со мной, – сказала она и открыла крышку сундука. – Вот, выбирай любое».

И когда мальчик нагнулся над сундуком, бес и толкнул ее под руку – р-раз! – она захлопнула крышку с такою силою, что голова мальчика отскочила от туловища и упала среди румяных яблок. Тут она перепугалась и стала думать: «Как бы мне это с себя свалить?» И вот зашла она в свою комнату, вынула из ящика белый платок, опять приставила голову к туловищу, обвязала

мертвому пасынку шею так, что ничего не было заметно, и посадила его на стул перед дверьми, а в руку дала ему яблоко. Немного спустя пришла дочь к матери в кухню и увидела, что мать стоит перед огнем, а перед нею лохань с горячей водой, в которой она что-то полощет. «Матушка, – сказала дочка, – братец сидит перед дверьми бледный-пребледный и держит в руке яблоко; я было попросила его, чтобы он мне яблочко дал, но он мне ничего не ответил, и мне стало страшно». – «А ты ступай к нему еще раз, – сказала мать, – и если он тебе ничего не ответит, дай ему по уху». Дочка и точно пошла и сказала: «Братец, дай мне яблочко». Но он ничего не ответил ей. Тогда она ударила его по уху, и голова его свалилась с плеч.

Девочка страшно перепугалась и начала плакать и кричать, и побежала к матери своей. «Ах, матушка, я сбила голову моему братцу!» – и плакала, и плакала, и не могла утешиться. «Доченька, – сказала мать, – что ты наделала? Но теперь-то уж замолчи, чтобы никто этого не знал; ведь теперь уж этого не воротишь! Давай разварим его в студень».

И взяла мачеха своего мертвого пасынка, разрубила его на куски, положила его в лохань и разварила в студень. А дочь ее при этом стояла и плакала, и плакала, и все слезы ее падали в лохань, так что даже и соли в студень не понадобилось класть.

Вот вернулся отец домой, сел за стол и сказал: «А где же мой сын?» А мать принесла на стол большущее блюдо студня, между тем как дочка ее все плакала и плакала, и никак не могла удержаться от слез.

Отец между тем спросил еще раз: «Да где же мой сын?» Мачеха отвечала: «Он ушел в гости к своему деду; там хотел он некоторое время остаться». – «Да что ему там делать? Ушел, даже и не простился со мной?» – «О, ему очень хотелось туда пойти, и он у меня просил позволения остаться там эту неделю: его ведь все там ласкают». – «А все же, – сказал отец, – мне очень жаль, что он не простился со мною».

С этими словами он принялся за еду и сказал дочке: «Что ты плачешь? Ведь братец-то твой вернется же! – потом, обратясь к жене, добавил: – Жена! Какое ты мне подала вкусное блюдо! Подбавь-ка мне еще!» И чем более он ел, тем более хотелось ему

еще и еще, и он все приговаривал: «Подкладывай больше, пусть ничего на блюде не останется!» И все-то ел, ел, а косточки все под стол метал – и, наконец, съел всё дочиста.

А дочка его достала из комода свой лучший шелковый платочек, сложила в него из-под стола все косточки и хрящики и понесла вон из дома, обливаясь горькими слезами.

Выйдя на середину двора, она положила косточки в платочек под дерево, что там росло, на зеленую травочку, и у ней стало легко на сердце, и слезы ее иссыкли.

И увидела она, что дерево вдруг зашевелилось – ветви его стали расходиться и сходиться, словно руки у человека, когда он от радости начинает размахивать руками и хлопать в ладоши.

Затем от дерева отделился как бы легкий туман, а среди тумана блистал и огонь, и из этого-то огня вылетела чудная птица и запела чудную песенку, и высоко-высоко поднялась в воздух.

Когда же она совсем исчезла из виду, тогда и ветви на дереве перестали двигаться, и платок с косточками, что лежал под деревом, пропал бесследно.

А у сестрицы на душе стало так легко и приятно, как если бы братец ее был еще в живых. И она вернулась домой веселая, села за стол и стала есть.

Птица полетела и села на дом золотых дел мастера, и стала петь свою песенку:

Меня мачеха убила,
Мой отец меня же съел.
Моя милая сестричка
Мои косточки собрала,
Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

Мастер сидел в своей мастерской и делал золотую цепь, когда услышал птичку, которая пела на крыше дома, и песенка показалась ему очень привлекательной.

Он поднялся со своего места, и когда сошел сверху вниз, то потерял одну туфлю. Так он и на середину улицы вышел в одной

туфле и в одном носке, опоясанный фартуком, с золотой цепью в одной руке, с клещами в другой...

А солнце-то так и светило на улице! Вот он и стал как вкопанный, и давай смотреть на птичку. «Птичка, – сказал он, – как ты славно поешь! Спой-ка мне еще раз свою песенку!» – «Нет, – сказала птичка, – я дважды даром петь не стану. Дай мне эту золотую цепочку, тогда я тебе и еще раз спою мою песенку». – «Вот, на тебе золотую цепь; только спой мне еще раз».

Тогда подлетела птичка, взяла золотую цепь в правую лапку, села против мастера и запела:

Меня мачеха убила,
Мой отец меня же съел.
Моя милая сестричка
Мои косточки собрала,
Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

Оттуда полетела птичка к башмачнику, присела к нему на крышу и запела:

Меня мачеха убила;
Мой отец меня же съел.
Моя милая сестричка
Мои косточки собрала,
Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

Башмачник услышал песенку, выбежал из дому в одном жилете и стал смотреть на крышу, прикрывая ладонью глаза от солнца. «Птичка, – сказал он, – да как же ты славно поешь! – И жену башмачник вызвал из дома: – Поди-ка сюда, глянь-ка на птичку! Вот так птичка, как отлично распевает!» Потом позвал он и дочь свою, и детей, и подмастерьев, и работников, и служанку, и все вышли на улицу и смотрели на птицу, и любовались ею.

А птичка была и точно красивая: перышки на ней красные и зеленые, а около шейки – словно чистое золото, а глазки у ней блистали как звездочки.

«Птичка, – сказал башмачник, – спой ты мне свою песенку еще раз». – «Нет, – сказала птичка, – дважды я не пою даром. Подари мне что-нибудь». – «Жена, – приказал башмачник, – ступай ко мне в мастерскую; там стоит у меня пара совсем готовых красных башмаков, принеси их мне сюда».

Жена пошла и принесла башмаки. «Вот тебе, птичка! – сказал башмачник. – Ну, а теперь спой мне свою песенку».

Птичка слетела, взяла у него башмаки в левую лапку, потом опять взлетела на крышу и запела:

Меня мачеха убила,
Мой отец меня же съел.
Моя милая сестричка
Мои косточки собрала,
Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

А пропевши песенку, птичка полетела: цепочку держала она в когтях правой лапки, а башмаки – в когтях левой лапки, и прилетела она прямо на мельницу, которая работала на полном ходу и постукивала так: плики-пляки, плики-пляки, плики-пляки. Да на мельнице же сидело человек двадцать рабочих, которые обтесывали жерновой камень и выбивали молотками: тик-так, тик-так, тик-так – и мельница вторила их работе своим постукиваньем.

Птичка опустилась на липу, которая росла у самой мельницы, и запела:

Меня мачеха убила...
Один рабочий перестал работать.
Мой отец меня же съел.

Еще двое от работы отстали и прислушались...

Моя милая сестричка...

Еще четверо бросили работу...

Мои косточки собрала,
Во платочек их связала...

Уж только восьмеро остались при деле.

И под деревцем...

Уж только шестеро осталось...

... сложила...

Только один продолжал работу...

Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

Тут уж и последний отстал и тоже стал слушать. «Птичка, – сказал он, – как ты славно поешь! Дай и мне тоже послушать, спой еще раз!» – «Нет, – отвечала птица, – дважды не стану петь даром; дай мне жернов, так я еще раз тебе спою». – «Да, – сказал он, – если бы жернов мне одному принадлежал, ты бы его получила». – «Да, – сказали другие, – если она нам еще раз споет, то мы отдадим ей жернов».

Тогда птичка слетела вниз, а все двадцать рабочих стали приподнимать жернов и покрикивать: «У-у-ух, у-ух, ухнем! ух!» А птичка только продела голову в отверстие жернова, вздела его на шею, как воротник, и вместе с ним взлетела на дерево и запела:

Меня мачеха убила,

Мой отец меня же съел.

Моя милая сестричка

Мои косточки собрала,

Во платочек их связала

И под деревцем сложила.

Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

А пропев свою песенку, она расправила крылышки и, держа в когтях правой лапки цепочку, в когтях левой – пару красных башмаков, а на шее – жернов, полетела вдаль, к дому отца своего.

В доме за столом сидели отец, дочка и мачеха, и отец говорил им: «Что это значит, что у меня сегодня так легко, так весело на сердце?» – «Нет, – сказала мачеха, – мне что-то страшно, словно бы гроза большая надвигается». А дочка сидела и все плакала да плакала.

Тут как раз прилетела птичка и села на крышу. «Ах, – сказал отец, – мне так весело, и солнце так прекрасно светит, и на душе у меня так хорошо, как будто мне предстоит увидеться со старым знакомцем». – «Нет, – сказала жена, – страшно мне, страшно, так что зуб на зуб навести не могу, а жилах у меня словно огонь».

Дочка же тем временем села в угол и стала плакать еще пуще, и прикрывала глаза руками, и ладони рук ее были совсем мокры.

Птичка между тем уселась на дерево среди двора и стала петь:

Меня мачеха убила...

Мачеха, услышав это, заткнула уши и зажмурила глаза, не желая ничего ни видеть, ни слышать, но в ушах ее все же был шум, как от сильнейшей бури, а глаза жгло, и в них словно молния блистала.

Птичка продолжала петь:

Мой отец меня же съел...

«Ах, матушка, – сказал отец, – там сидит такая славная птица и поет так прекрасно, да и солнышко так светит и греет, и благоухает тмином».

Птичка продолжала:

Моя милая сестричка...

Сестричка, как услышала это, уткнула лицо в колени и стала плакать навзрыд, а отец, напротив того, сказал: «Я выйду, посмотрю на птичку вблизи». – «Ах, не ходи, не ходи! – сказала

жена. – Мне кажется, что весь дом наш в пламени». Но муж ее не послушался, вышел из дома и взглянул на птичку, которая продолжала свою песню:

Мои косточки собрала,
Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

И, закончив песенку, птичка сбросила сверху золотую цепь прямо на шею отцу, и цепь пришлась как раз в меру. Тогда он вернулся домой и сказал: «Посмотри, какая это чудесная птица, подарила мне прекрасную золотую цепь, да и сама-то на вид такая красивая». Жена же все попрежнему бегала в ужасе по всему дому и места не могла себе найти. А птица опять завела ту же песню:

Меня мачеха убила...

«Ах, если бы я хоть в самой преисподней теперь была! Лишь бы не слышать мне этой песни!» – проговорила мачеха в отчаянии.

Мой отец меня же съел...

Мачеха при этих словах в изнеможении упала на пол.

Моя милая сестричка...

«Ах, – сказала сестричка, – я тоже выйду и посмотрю, не подарит ли и мне чего-нибудь птичка». И она вышла из дома.

Мои косточки собрала,
Во платочек их связала...

Тут сбросила она сестричке сверху красные башмачки.

И под деревцем сложила!
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

Тогда и у сестрички на сердце стало легко и весело. Она надела новые красные башмачки и стала в них плясать и прыгать. «Ах, –

сказала она, – я была так грустна, когда выходила из дому; а теперь мне так легко и хорошо! И что за славная птичка – ведь она подарила мне пару красных башмаков!» – «Нет! – сказала ее мать и вскочила с места в ужасе, и волосы поднялись у нее дыбом на голове. – Мне кажется, что светопреставление наступило! Не могу вытерпеть: я тоже выйду из дома – быть может, и мне станет легче!»

Но чуть только она выступила за двери – тррах! Птичка скинула ей мельничий жернов на голову и раздавила им мачеху насмерть. Отец и сестричка услышали этот шум и выскочили из дома: из того места, где жернов упал, повалил клубами дым, потом показался огонь, вспыхнуло пламя, а когда все это закончилось, они увидели перед собою маленького братца, который взял отца и сестричку за руки, и все трое были счастливы и довольны настолько, что вошли в дом, сели за стол и принялись кушать.

(Голосов: 2. Рейтинг: 3,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Диковинная птица (Чудо-птица)

Некогда был на свете такой волшебник, который принимал на себя образ бедняка-нищего, ходил от дома к дому и просил милостыню, а при этом похищал красивых девушек. Никто не знал, куда они исчезали, потому что никто их потом уж не видывал.

Однажды явился он перед домом человека, у которого были три дочки-красавицы; на вид он казался жалким нищим, и за спиной у него был привязан большой короб, словно бы он собирал подаяние. Он молил о том, чтобы ему вынесли чего-нибудь поесть, и когда старшая дочка к нему вышла и собиралась подать ему кусок хлеба, он только прикоснулся к ней – и она уже очутилась в его коробе.

Затем он поспешно удалился и зашагал со своею ношею к дремучему лесу, где у него построен был дом в самой чаще.

В доме этом все было очень роскошно; и волшебник дал красавице у себя все, чего она только пожелала, и сказал: «Сокровище мое, тебе у меня полюбится: у тебя здесь под рукой все, чего твоей душеньке угодно».

А затем, по прошествии двух дней, он ей заявил: «Мне надо на время уехать и тебя здесь оставить одну; вот тебе ключи от всего дома; и всюду ты можешь ходить и все осматривать, не заглядывай только в одну комнату, которая отпирается вот этим маленьким, ключиком. Я это тебе запрещаю под страхом смерти».

При этом он дал ей еще яйцо и сказал: «Это яйцо сохрани мне и лучше уж постоянно носи его при себе, потому что если оно

потеряется, это приведет к большому несчастью».

Она взяла и ключи, и яйцо, и обещала все соблюсти как следует. Когда волшебник уехал, красавица пошла по всему дому и обошла его снизу доверху и все в нем осмотрела. Все покои в нем блистали серебром и золотом, и ей показалось, что она никогда еще не видела нигде такого великолепия.

Наконец пришла она и к запретной двери, хотела пройти мимо нее, но любопытство не давало ей покоя. Осмотрела она ключик, видит – он ничем от других ключей не отличается, сунула его в скважинку и чуть только повернула – дверь распахнулась настежь. И что же она увидела, войдя в тот запретный покой? Посреди него стоял огромный таз, полный крови, и в нем лежали тела людей, разрубленных на части, а рядом с тазом поставлена деревянная колода и около нее положен блестящий топор.

Увидев все это, она так перепугалась, что и яйцо из руки в этот таз обронила. Она его опять из таза вытащила и кровь с него стала стирать, но тщетно старалась: кровь на нем через минуту выступала вновь. И как она ни терла, как ни скоблила – уничтожить кровавые пятна на яйце она не могла.

Вскоре вернулся и волшебник из своей поездки и прежде всего хватился ключа от запретной двери и яйца.

Она подала ему то и другое, но руки ее при этом дрожали, и он по кровавым пятнам тотчас угадал, что она побывала в запретном покое. «Так как ты против моей воли побывала в этом покое, – сказал он, – то теперь против твоей воли должна направиться туда же! Простись с жизнью!»

Он сбил ее с ног, за волосы потащил в страшный покой, отсек ей голову топором, а все тело ее изрубил на куски, так что кровь ее стала стекать в таз. Потом и все куски ее тела побросал в тот же таз.

«Ну, теперь пойду добывать вторую дочь-красавицу», – сказал волшебник и опять в образе нищего пошел к тому же дому и стал просить милостыни.

И вторая дочка вынесла ему кусок хлеба, и вторую он похитил, одним прикосновением заставив ее очутиться в его коробе. И с нею случилось все точно так же, как и со старшей сестрой; и она тоже, поддавшись любопытству, отворила кровавый запретный

покой, заглянула в него и должна была по возвращении волшебника домой поплатиться жизнью за свое любопытство.

Затем он отправился и за третьей дочкой, которая была и поумнее и похитрее сестер. Когда волшебник отдал ей ключи и яйцо, а сам уехал, она сначала тщательно припрятала яйцо, затем осмотрела дом и наконец зашла в запретный покой.

Ах, что она там увидела! Обе ее милые сестрицы лежали в тазу убитые и разрубленные на части. Но она, не смущаясь, собрала все разрозненные части их тел и сложила их как следует: и головы, и руки, и ноги, и туловища – все на свое место. И когда все сложила, члены начали двигаться и срослись по-прежнему, и обе девушки открыли глаза и снова ожили. Очень все они обрадовались этому – целовались и миловались.

Когда волшебник вернулся, то потребовал тотчас ключи и яйцо, и когда увидел, что на яйце нет никаких следов крови, то сказал: «Ты выдержала испытание, тебя и возьму я за себя замуж».

С этой минуты уж он терял над нею всякую власть и должен был выполнять все ее требования. «Ладно, – сказала она, – но прежде ты снесешь моим родителям полнешенек короб золота, и снесешь его сам на спине, а я тем временем тут все подготавливаю к свадьбе».

Затем побежала к своим сестрам, которых припрятала в маленькой каморочке, и сказала им: «Настало время вас спасти: этот злодей должен будет вас отнести домой; но как только вы к дому прибудете, тотчас высылайте мне помощь».

Она их обеих посадила в короб и засыпала их сверху золотом так, что их и видно не было; потом призвала волшебника и сказала: «Ну, теперь неси короб; но смотри, в пути не останавливаться и не отдыхать – я буду за тобой из моего окошечка следить».

Волшебник взвалил короб на спину и потащился с ним по дороге; но короб был так тяжел, что у него пот градом катился со лба. Вот он и присел было, и хотел немного отдохнуть, но тотчас же одна из красавиц в коробе закричала ему: «Я смотрю в свое окошечко и вижу, что ты отдыхаешь – ступай сейчас же далее!» Он подумал, что это его невеста ему кричит, и поплелся далее.

И опять задумал было сесть, и опять услышал: «Смотрю в свое

окошечко и вижу, что ты отдыхаешь – сейчас же ступай далее!»
И чуть только он останавливался, раздавались те же возгласы, и он должен был опять брести далее, пока наконец, кряхтя и окончательно выбившись из сил, не донес короб с золотом и с двумя дочками до их родительского дома.

А между тем у него в доме его невеста готовила свадебное пиршество и позвала на это пиршество друзей своего будущего мужа-волшебника.

И вот взяла она череп с оскаленными зубами, украсила его головным убором, надела на него цветочный венок, снесла его на чердак и выставила в слуховое оконце. Справив это, она сама залезла в бочку меду, потом вспорола перину и выкаталась в перьях так, что ее можно было принять за какую-то диковинную птицу; но никто бы ни за что не мог ее узнать.

В таком виде вышла она из дома и на пути повстречала многих из числа свадебных гостей, которые ее спрашивали:

- Предиковинная птица – откуда взялася?
- Из диковинного дома сюда доплелася.
- А невеста молодая – где она девалась?
- В доме мыла, убирала, сама наряжалась:

Вон в оконце сверху смотрит в венке и в уборе.

Наконец повстречался ей на пути и жених, который еле-еле тащился обратно к своему дому. И он спросил у ней так же, как все прочие:

- Предиковинная птица – откуда взялася?
- Из диковинного дома сюда доплелася.
- А невеста где ж моя – где она девалась?
- В доме мыла, убирала, сама наряжалась:

Вон в оконце сверху смотрит в венке и в уборе.

Жених-волшебник глянул вверх и увидел принаряженный череп; он подумал, что это и есть его невеста, и стал ей кивать головою и приветливо ей кланяться.

Но едва он со своими гостями вступил в дом, туда же прибыли и братья, и родственники невесты, посланные ей на помощь. Они

накрепко заперли все двери в доме, чтобы никто из него не мог выйти, и затем подпалили его, так что и сам волшебник, и вся его братия должны были в том доме сгореть – и сгорели дотла.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘ (Голосов: 2. Рейтинг: 3,00 из 5)

✘ Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Мальчик-с-пальчик в пути (Путешествие Мальчика-с-пальчика)

У одного портного родился крошечный сын, не больше мизинца, а потому его и назвали Мальчикс-с-пальчик. Но при малом росте у него не было недостатка в мужестве, и он сказал своему отцу: «Отец, я должен непременно видеть свет». – «Это верно, сын мой! – сказал старик, взял длинную штопальную иголку и на свечке приладил к ней шарик из сургуча. – Вот тебе и меч на дорогу».

Снарядившись в путь, Мальчик-с-пальчик хотел еще раз поесть со своими и побежал на кухню, чтобы посмотреть, что готовила мать на последнее кушанье. А это кушанье только что было заправлено и стояло на очаге.

Вот и спросил он у матери: «Матушка, что у нас сегодня будет за столом?» – «А вон сам посмотри!»

Мальчик-с-пальчик сам взлез на очаг и заглянул в блюдо. Но так как он чересчур далеко высунулся вперед, пар от кушанья подхватил его и в струе своей увлек в трубу и через трубу – в надворье.

Минуту носился он по воздуху вместе с паром, пока наконец не опустился на землю.

И так он очутился среди бела света; стал бродить повсюду, даже поступил к какому-то мастеру в работу, да кушанье ему там не по вкусу пришлось. «Хозяюшка, – сказал он, – если вы нам не дадите еды получше, то я от вас уйду и завтра же напишу на вашей двери мелом: „Картофелем пичкают, на мясо скупаются – пришлось мне с ними расстаться”». – «Ах ты, мелюзга этакая!» – сказала, разгневавшись, хозяйка, схватила тряпку и хотела его прилепнуть; но Мальчик-с-пальчик проворно юркнул под наперсток, стал из-под него выглядывать и дразнить хозяйку языком.

Она приподняла наперсток и хотела накрыть им малютку, но тот укрылся среди тряпок; она разбросала тряпки и стала его разыскивать, а он забился в щель стола. «Эге-ге, хозяйюшка», – воскликнул он и выставил голову из щели, и когда она его хотела ухватить, он спрыгнул в ящик стола.

Наконец она все-таки добралась до него и выгнала его из дома.

Пошел малютка-портной далее и пришел в большой лес: тут повстречался он с шайкою разбойников, которые намеревались ограбить королевскую казну.

Увидев такого малыша, они подумали: «Ведь такой-то малыш, пожалуй, и в замочную скважину пролезет, и нам может помощь оказать».

«Эй ты, Великан Голиафич, – крикнул один из разбойников, – не хочешь ли ты с нами вместе побывать в королевской денежной кладовой? Ты можешь туда легко проползти и все деньги нам

оттуда повыбрасывать».

Мальчик-с-пальчик подумал-подумал, да наконец и согласился, и пошел вместе с разбойниками к кладовой.

Стал осматривать дверь и сверху, и снизу, отыскивая, нет ли где щели. Вскоре он таки разыскал одну, достаточно широкую для того, чтобы в нее можно было пролезть.

Он тотчас и хотел в нее пробраться, но один из двух часовых, охранявших дверь кладовой, заметил его и сказал другому: «Что это за скверный паук там ползет? Я вот его сейчас раздавлю». – «Оставь бедную тварь! – сказал другой, – Она тебе никакого зла не сделала».

И вот Мальчик-с-пальчик преблагополучно пробрался в кладовую, otvorил окно, под которым стояли разбойники, и стал им выбрасывать один талер за другим.

В то время, когда работа была в самом разгаре, Мальчик-с-пальчик услышал, что сам король идет заглянуть в кладовую, и тотчас прихоронился.

Заметил король, что некоторой части талеров в кладовой не хватает, но только никак не мог понять, кто их мог украсть, так как и замок, и задвижки были целы, и все в порядке.

Уходя, он и сказал часовым: «Посматривайте, там кто-то добирается до денег».

Когда же Мальчик-с-пальчик снова принялся за работу, часовые и точно услышали, что кто-то ворошится в деньгах за дверью и деньги позвякивают: клинь-клянь, клинь-клянь... Они быстро ворвались в кладовую и думали схватить вора.

Но портняжка, услышав, что они идут в кладовую, оказался еще проворнее их: прыгнул в уголок, покрылся талером так, что его самого и не видать было, да еще стал оттуда часовых поддразнивать, покрикивая: «Я здесь».

Часовые бросались в ту сторону, а он перескакивал в другой угол, прятался под другой талер и кричал: «А я здесь!»

Часовые опять туда же бросались со всех ног, а Мальчик-с-пальчик давно уже сидел в третьем углу и кричал: «Эй, вот я где!»

И так он дурачил и до тех пор гонял их из конца в конец кладовой, пока они не утомились и не ушли.

Тогда он выбросил из окна все талеры один за другим, а на последний он и сам уселся и вместе с ним выбросился из окошка. Разбойники не знали, как и похвалить его, говорили ему: «Ты просто молодец! Не хочешь ли ты быть нашим атаманом?» Но Мальчик-с-пальчик поблагодарил их за честь и отказался, сказав, что хочет еще повидать белый свет.

Тут они поделили добычу, но малютка-портной потребовал себе из нее всего один крейцер, потому что больше и захватить с собою не мог.

Затем он опять опоясался своим мечом, попрощался с разбойниками и пустился в путь-дорогу.

Поступал он еще к нескольким мастерам в работу, но работа была ему везде не по нутру; наконец он нанялся в услужение на одном постоялом дворе.

Но тут невзлюбили его служанки, потому что он, незаметный для них, видел все, что они делали тайком, и указывал хозяевам, что они с тарелок потаскали и что из погреба вынесли.

Служанки и сказали себе: «Погоди ужо, мы с тобою отмочим штуку!» И условились между собою, чтобы подстроить ему какую-нибудь ловушку.

Вскоре после того, когда одна из служанок гребла травку в саду и увидела, что Мальчик-с-пальчик прыгает тут же и катается по траве, она и его сгребла вместе с травой, все связала в большой платок и тайком выкинула коровам в ясли.

Одна из коров, большая и черная, проглотила портняжку вместе с травой.

Но в желудке коровы ему не понравилось, потому что там было совсем темно, даже и свеча не горела. Когда стали корову доить, он закричал:

Да но, но, но, да но, но, но – Ведро-то разве не полно?

Но его слов не слышали из-за шума сдаиваемого молока.

Затем вошел в хлев сам хозяин и сказал: «Завтра надо будет эту корову заколоть».

Мальчик-с-пальчик испугался и закричал громко: «Прежде меня из нее выпустите, ведь я в ней сижу».

Хозяин услышал эти слова, но только не мог понять, откуда исходил голос.

«Да где же ты?» – спросил он.

«А вот, в черной-то!» – отвечал малютка; но хозяин не понял значения этих слов и ушел из хлева.

На другое утро корову закололи. По счастью, при разрезании и разрубании мяса коровы ни один удар топора и ножа не задел портняжку, но зато он попал в число частей коровы, предназначенных на начинку колбас.

Когда мясник подошел и принялся за свою работу, Мальчик-с-пальчик закричал ему что было мочи: «Не прорубай слишком глубоко, не прорубай глубоко, ведь я тут!»

Среди стука ножей никто этого не расслышал.

Тут несчастный малютка понял, что грозит ему большая беда; но ведь беда-то и духу придает, и вот он сумел так проворно проскочить между ножами, что ни один его и не задел, и он вышел из беды цел и невредим.

Но ускользнуть ему тоже не удалось: вместе с кусочками сала он должен был дать и себя запихнуть в кровяную колбасу.

Помещение у него было тесненькое, да к тому же еще его повесили в трубу для копчения, и в этой трубе время показалось ему бесконечно долгим.

Наконец уже зимою его из трубы сняли, потому что колбасу надо было подать на стол какому-то гостю.

Когда стала хозяйка резать колбасу на кусочки, Мальчик-с-пальчик только о том и заботился, как бы ему не выставить вперед голову, чтобы она не попала под лезвие ножа.

Наконец он как-то ухитрился выкарабкаться из колбасы и выскочил на стол.

Но он уж не хотел оставаться в доме, в котором ему так плохо жилось, и тотчас же решился пуститься в дальнейшие странствования.

Однако же недолго ему пришлось быть на свободе.

В открытом поле набежала на него лиса и заглотнула его мимоходом. «Госпожа лиса, – воскликнул портняжка, – я у вас в горле застрял; отпустите вы меня на волю!» – «Пожалуй, – отвечала лиса, – ведь от тебя-то мне и корысть невелика; и если ты мне пообещаешь всех кур, какие найдутся у твоего отца на дворе, то я тебя выпущу на волю». – «С великим

удовольствием, – отвечал Мальчик-с-пальчик, – все куры тебе достанутся, я тебе за это ручаюсь».

Лисица охотно выпустила его на волю и даже сама снесла его до самого дому.

Когда отец снова свиделся со своим сыном, он охотно отдал лисе всех кур, какие у него были.

«Зато я тебе принес славную монетку!» – сказал Мальчик-с-пальчик и подал своему отцу крейцер, который он добыл во время своих странствований.

«Да за что же бедные хохлатки-то лисе на зубы попались?» – «Эх ты, дурень! Или понять не можешь, что нет отца добрее – ему свое дитя всех кур милее!»

(Голосов: 2. Рейтинг: 3,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Смерть в кумовьях (Смерть кума)

У одного бедняка было двенадцать человек детей, и он должен был день и ночь работать, чтобы добыть им

хлеб насущный. Когда родился у него тринадцатый ребенок, он уж и не знал, как ему быть, выбежал на большую дорогу и хотел позвать к себе в кумовья первого встречного.

Первый, встретившийся ему на дороге, был сам Господь Бог, и ему было уже известно, что у бедняка на сердце; Бог и сказал ему: «Мне жаль тебя, бедного. Я приму твоего ребенка от купели, буду о нем заботиться и наделю его счастьем на земле». Бедняк спросил его: «А кто ты таков?» – «Я – Господь Бог». – «Ну, так я тебя не хочу в кумовья брать, – сказал бедняк, – ты все только к богатым щедр, а бедного голодать заставляешь». Это он говорил потому, что не знал, как премудро распределяет Бог богатство и бедность между людьми.

И отвернулся он от Господа, и пошел своим путем-дорогою.

Тут подошел к нему дьявол и сказал: «Чего ты ищешь? Не хочешь ли меня взять в крестные к твоему ребенку, так я его тогда осыплю золотом с головы до ног и доставлю ему все радости мира». Бедняк спросил его: «Да ты кто же?» – «Я – дьявол». – «Ну, так я тебя в крестные не желаю, – сказал бедняк, – ты всех обманываешь и вводишь людей в соблазн».

И пошел далее своим путем-дорогою, и видит – идет ему навстречу Смерть, ковыляя на своих костлявых ногах, и говорит: «Возьми меня в кумовья». Бедняк спросил: «А ты кто?» – «Я – Смерть, которая всех приравнивает». – «Ну, так ты и есть мой настоящий кум! – сказал бедняк. – Ты безразлично уносишь и бедного, и богатого... Ты и будь моему ребенку крестной». Смерть сказала: «Я твоего ребенка обогащу и прослаблю – тот, кто со мною дружит, во всем должен иметь удачу». Бедняк сказал: «Мы крестим в будущее воскресенье: смотри же, не опоздай».

Смерть явилась по обещанию и стояла у купели как настоящая крестная.

Когда мальчик подрос, явилась однажды к нему крестная и приказала ему за собою следовать. Она вывела крестника в лес, указала ему на какую-то травку, которая в лесу росла, и сказала: «Вот тебе от меня крестильный подарок. Я тебя сделаю знаменитым врачом. Когда тебя позовут к больному, я каждый раз буду тебе являться: если я буду стоять в головах у больного,

то ты можешь смело утверждать, что его вылечишь, и если дать ему этой травки, он и точно выздоровеет; но если увидишь меня в ногах у больного, то знай, что он – мой, и тогда ты должен сказать, что ни один врач в мире его спасти не может. Но берегись: не давай больному травы против моей воли, а то тебе самому может быть плохо».

Немного времени спустя юноша сделался знаменитейшим врачом во всем свете. «Стоит ему только взглянуть на больного, так уж он знает, как обстоит дело, и скажет сразу: выздоровеет он или умрет», – так всюду шла о нем молва, и отовсюду приходили к нему лечиться, приводили больных и давали ему за лечение столько золота, что он вскоре разбогател.

Вот и случилось, что заболел сам король: позвали к нему врача, чтобы он сказал, возможно ли выздоровление. Когда он подошел к постели больного, то увидел, что смерть стоит у него в ногах и никакой надежды на исцеление нет. «А что, если я попытаюсь хоть однажды перехитрить Смерть? – подумал врач. – Она, конечно, на меня прогневадается, но так как я ее крестник, то она на это, конечно, посмотрит сквозь пальцы... А ну-ка, попытаю».

И взял он больного на руки и переложил его на кровати так, что Смерть у него очутилась уже не в ногах, а в головах. Затем он дал ему своей травки, и король оправился и вновь выздоровел.

А Смерть явилась к врачу, насупившись и сурово сдвинув брови, погрозила ему пальцем и сказала: «Ты вздумал меня провести – на этот раз я тебе спущу, потому что ты мой крестник; но если ты еще раз осмелишься это сделать, то тебе несдобровать, и я унесу тебя самого».

Вскоре после того заболела дочь короля. Она была у него единственным детищем, и бедный король плакал день и ночь над нею, почти ослеп от слез и объявил ко всеобщему сведению, что кто ее спасет от смерти, тот получит ее в супруги и наследует корону.

Врач, явившись к постели больной, увидел Смерть у нее в ногах. Он должен был бы вспомнить о ее предостережении, но красота королевны и обещанное ему счастье в супружестве с нею так отуманили его, что он позабыл все на свете.

Не посмотрел он и на то, что Смерть бросала на него гневные взгляды, что поднимала руку и грозила ему своим костлявым кулаком; он поднял больную на руки и переложил ее так, что голова ее очутилась в ногах, а ноги – на месте изголовья. Тогда он дал ей отведать своей травки, и тотчас зарделись ее щеки румянцем, и жизнь вновь возвратилась к ней.

Смерть, таким образом, вторично обманутая врачом, который вырвал у нее из рук ее добычу, медленно приблизилась к врачу и сказала: «Ну, теперь уж нет тебе пощады: очередь за тобою...» Своею холодной как лед рукою ухватила она его так крепко, что он не мог и думать о сопротивлении, и повела его в подземную пещеру.

Там увидел он нескончаемые ряды тысяч и тысяч свечей, горевших ярким пламенем: одни из них были большие, другие – средней величины, третьи – совсем маленькие. Ежеминутно одни погасали, а другие загорались вновь, так что огоньки, постоянно меняясь, как бы переносились с места на место.

«Вот видишь, – сказала Смерть, – это все свечи жизни людей. Большие – это свечи детей, средние принадлежат людям во цвете лет и сил, маленькие – старикам. Но и у детей, и у молодых людей часто бывают очень маленькие свечи». – «Покажи мне свечу моей жизни», – сказал врач и думал, что она должна быть еще достаточно велика.

Смерть указала ему маленький кончик свечи, который вот-вот готов был догореть, и сказала: «Видишь, вот она». – «Ах, дорогая крестная! – заговорил испуганный врач. – Зажгите мне новую свечу из любви ко мне, чтобы я мог насладиться жизнью, быть королем и супругом прекрасной королевы!» – «Не могу этого сделать, – отвечала Смерть, – сначала должна она погаснуть, а потом уж может быть зажжена новая на ее месте». – «Так поставьте хоть огарочек-то моей старой свечи на новую, которая бы тотчас могла загореться, когда огарочек догорит», – молил врач.

Смерть прикинулась, как будто желает исполнить его желание, и добыла новую большую свечу; но так как она хотела отомстить врачу, то при перестановке свеч она преднамеренно вздрогнула, и огарочек свечи врача упал и погас, о

В тот же миг и сам врач упал на землю, и сам попался в когти Смерти.

(Голосов: 2. Рейтинг: 3,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Госпожа Труда

Жила-была однажды на свете девушка, упрямая и капризная, и если родители ей что-нибудь говорили, то она никогда их не слушалась. Ну, что же было от нее и ждать путного?

Однажды она сказала своим родителям: «Я так много наслышалась о госпоже Труде, что мне бы хотелось у нее побывать. Мне рассказывали, что в доме у ней все так чудно-мудрено, вот мне и захотелось на ее дом посмотреть».

Родители ей это строго-настрого запрещали, говоря: «Госпожа Труде – злая старуха и с нечистым знается, и если ты к ней пойдешь, то ты нам не дочь».

Но девушка не обратила внимания на запрещение родительское и все же пошла в дом госпожи Труде.

И когда она к старухе пришла, та спросила ее: «Отчего ты это

такая бледная?» – «Ах, – отвечала девушка (а дрожь так и пробирала ее!), – уж очень я испугалась того, что увидела!» – «А что же ты видела-то?» – «Я видела у вас на крылечке черного человека». – «Это был угольщик». – «А потом увидела зеленого человека». – «Ну, это был охотник». – «А затем увидела красного как кровь человека». – «Это был, конечно, мясник». – «Ах, госпожа Труде, я в себя не могу прийти от страха: смотрела я потом в окошко и вас-то не видела, а на вашем месте сидел черт, и голова у него была вся в огне». – «Ого, – сказала госпожа Труде, – так, значит, ты видела ведьму во всем ее уборе! А я уж давно тебя поджидала – ты мне и посветишь». Тут она оборотила девушку в деревянный чурбан и швырнула ее в огонь.

И когда огонь разгорелся, ведьма к нему подседа, стала греться около него и приговаривать: «Вот теперь горит светленько и тепленько!»

(Голосов: 2. Рейтинг: 3,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Черт в кумовьях (Господин кум)

У одного бедняка было так много детей, что он всех к себе в кумовья презвал; а когда у него родился еще один ребенок, то он уж и не знал, кого бы еще пригласить к нему в крестные отцы.

Не зная, как поступить, он в горе бросился на постель, да и заснул.

И приснилось ему, будто он должен выйти за ворота и просить к себе в кумовья первого встречного прохожего.

Проснувшись, он решился и наяву последовать указанию, полученному в сновидении, вышел за ворота и первого встречного зазвал к себе в кумовья.

Незнакомец подарил ему при этом склянку воды и сказал: «Эта водичка не простая; ты ею можешь лечить всякие болезни, только всегда смотри, где у больного смерть стоит. Если стоит в головах, то смело дай больному хлебнуть этой водицы, и он выздоровеет, а если у больного смерть стоит в ногах, то все труды будут напрасны – он все равно помрет».

И вот с тех пор этот бедняк всегда мог с уверенностью сказать, можно ли больного спасти или нет, прославился своим искусным врачеванием и стал зарабатывать много денег.

Однажды его позвали к королевскому ребенку, и как только он вошел в его комнату, то увидел, что смерть стоит у него в головах, и вылечил его своей водицей; так же точно случилось и в другой раз – он увидел смерть в ногах, и ребенок должен был умереть.

Вот и вздумалось бедняку однажды посетить своего кума и

рассказать ему, как успешно он лечит его водицей.

Когда же он пришел к куму в дом, то все показалось ему чрезвычайно странным.

На первой площадке лестницы он увидел, что метла с лопатой ссорятся и дерутся.

Он спросил у них: «Где тут живет господин кум мой?» Метла отвечала: «Лестницей выше!»

Взойдя на вторую площадку, он на ней увидел множество отрубленных пальцев.

Он спросил у них: «Не здесь ли живет господин кум мой?» – «Лестницей выше!» – отвечал один из пальцев.

На третьей площадке он увидел кучу мертвых голов, которые опять-таки указали ему, что следует взойти еще на одну лестницу.

На четвертой площадке он увидел на огне сковороду с рыбами, которые сами себя поджаривали. Они также сказали ему: «Лестницей выше!»

И вот, когда он поднялся на пятую площадку, то очутился перед дверью комнаты, заглянул в скважину двери и увидел своего кума, а у кума на голове рога большие-пребольшие.

Отворил он дверь, вошел, а кум поскорее улегся в постель, да и прикрылся с головою.

Тогда сказал бедняк куму: «Ну, куманек! Тут у вас в доме все что-то очень мудрено! Взшел я на первую площадку и вижу – ссорятся на ней лопата с метлой, да так и наускаивают друг на друга!» – «Какой же ты близорукий! – сказал ему кум. – Да ведь это слуга со служанкой между собою калякали...» – «Ну, а вот на другой-то площадке увидел я отрубленные пальцы». – «Э-э, какой же ты глупый! Да ведь это были вовсе не пальцы, а корни козелка!» – «А вот еще на третьей-то площадке лежала целая куча голов». – «Экий дурень! Да это же не головы, а кочны капусты!» – «Ну, вот еще и на четвертой рыбы лежали на сковороде и сами себя поджаривали».

Чуть только он это сказал, рыбы сами явились в комнату и поднесли себя куму.

«Да, вот еще, куманек, как поднялся я на пятую площадку, так глянул сквозь скважину двери и увидел вас, и на голове у вас

рога большие-пребольшие». – «Ну, это уж неправда!» – сказал кум, и бедняку вдруг стало так страшно, что он от кума бегом пустился с лестницы, и кабы не убежал, так еще Бог знает, что бы ему от кума досталось.

(Голосов: 2. Рейтинг: 3,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Господин Корбс

Жили-были петушок с курочкой, и задумали они вместе пуститься в путь-дороженьку. Вот петушок и построил чудесную повозочку с четырьмя красными колесами и впряг в ту повозочку четырех мышей.

Петушок с курочкой сели в повозочку и поехали.

Вскоре повстречались они с кошкой, которая сказала: «Куда это вы собрались?»

Петушок и отвечал:

Едем, едем мы путем

К господину Корбсу в дом.

«Возьмите меня с собою», – сказала кошка. Петушок отвечал: «С удовольствием! Только садись позади повозки; а то сядешь впереди, так еще, пожалуй, свалишься».

И добавил:

На запятки вы ступайте,

Да колес не замарайте.
Вы, колесики, катитесь,
А вы, мышки, торопитесь.
Поспешайте вы путем
К господину Корбсу в дом.

Вслед за кошкою повстречались им жернов, яйцо, утка, булавка и наконец иголка; и все сели в ту же повозку и поехали вместе. Когда же они прибыли к господину Корбсу в дом, его самого дома не было.

Мышки завезли повозочку на сеновал, петушок с курочкой уселись на шесток, кошка залезла в камин, утка взобралась на шест насоса у колодца, яйцо завернулось в полотенце, булавка воткнулась в подушку кресла, иголка вспрыгнула на кровать и забила в изголовье, а жернов взмогился над дверью.

Приехал господин Корбс домой, подошел к камину и хотел развести огонь, а кошка ему все лицо запорошила золой.

Он побежал поскорее в кухню и хотел обмыться, а утка ему в лицо водой плеснула.

Он было ухватился за полотенце, чтобы лицо отереть, а яйцо из полотенца выкатилось, разбилось и залепило ему глаза.

В изнеможении он хотел опуститься на стул и посидеть на нем, как вдруг булавка впиалась ему в тело.

Он пришел в ярость и бросился на постель; но едва опустил голову на изголовье, как его уколола иголка, да так, что он вскрикнул и бросился из дома вон.

И чуть только он очутился во входных дверях, как жернов свалился ему на голову и убил его насмерть.

Видно уж, господин Корбс был очень злой человек!

(Голосов: 2. Рейтинг: 3,00 из 5)

Загрузка...